

Глава 13.

**Крестьяне против крестьян:
внутриобщинные конфликты вокруг раскладок**

Пытаясь в предыдущей главе определить различие между голосующими и не голосующими налогоплательщиками, мы как будто подразумевали, что сами эти группы внутренне однородны.

Пора спуститься ещё на ступеньку вглубь тайны крестьянских раскладок, чтобы убедиться, что это совсем не так. Обычное в раскладочном приговорах выражение «единогласно приговорили» – не более чем часть приговорного шаблона. Он отсекает ненужное для чиновников: неважно, о чём спорили, лишь бы в итоге все дали обязательство платить. Но если мы рассматриваем крестьянское общество (общину) как раскладочный механизм, то важно как раз отсекаемое: какие группы боролись на сходе, о чём шёл спор?

Души против скота. Богатые против бедных

В большинстве случаев – там, где писарь и староста добросовестно соблюдали шаблон – мы этого уже не узнаем. Но есть исключения. То ли накал обсуждения оказывался чересчур высок, то ли староста беспокоился насчёт убедительности обоснования принятого решения, но иногда сам приговор хранит следы, позволяющие восстановить произошедшее на сходе.

Один из таких – приговор селения с необычным названием Ущерпское за 22 сентября 1906 г. В фонде податного инспектора сохранилась не только, как обычно, копия этого документа, но и вторая копия и даже подлинник. Исключительный случай, очевидно, привлек внимание инспектора.

От 90 домохозяев, имеющих право голоса на сходе, присутствовало 69 человек. Обсуждали раскладку местных сборов 2-й половины года на сумму 352 руб. 92,5 коп. Постановили «разложить на лошадей и коров поровну на 388 шт.». К приговору приложен раскладочный перечень, включающий 105 плательщиков. Для каждого указано число лошадей и коров, указана сумма платежа.

Однако на обороте того самого листа, который заверен печатью старосты и подписью писаря, находим неожиданное продолжение. «1906 года Ноября 4 дня. Мы нижеподписавшиеся <...> по предъявленному нам раскладу значащемуся по настоящему приговору, за № 10, не соглашаемся принять настоящий расклад, а равно не желаем платить положенную на нас сумму за 2 половину 1906 года. В чём и подписуемся...». Далее следуют подписи 13 человек, «неподложность» которых «удостоверяется» печатью старосты.

Сама по себе отказная формулировка мало что объясняет, но между строк вписано дополнение. Более тёмными чернилами, другим почерком уточняется причина отказа: «Потому что первая половина была разложена по душам, а вторая разложена на имеющи[йся] скот, расклад этот они не принимают». Таким образом, всё это очень напоминает противостояние между богатыми и бедными. Бедные постановили раскладывать так, чтобы больше платили

обладатели многих голов скота; меньшинство же требует взимать одинаковую сумму и с бедного работника, и с богатого.

Почему бедным удалось победить? Логично предположить: они оказались более многочисленны. Однако полгода спустя мы можем наблюдать следующий шаг в этой истории. В феврале следующего года Ущерпский сход раскладывал мирские сборы за 1-е полугодие 1907 г.²⁹⁹ Ажиотажа на сходе вновь не наблюдалось (записано о присутствии 65 человек из 90). Мирские сборы за 1-е полугодие 1907 г. (на сумму 622 руб. 40,5 коп.) были разложены комбинированным образом: 161 руб. – на коров и лошадей, 461 р. – «на работников по рассмотрению общества от 12 лет до 80 лет»; при этом на корову положили по 25 коп., на лошадь – по 50 коп., а на работника – по 2,5 руб. (число плательщиков за полгода выросло до 119; на них приходилось 185 годных работников). Таким образом, имущественная составляющая была сведена до четверти всей суммы, а три четверти были разложены по тому принципу, которого требовало октябрьское меньшинство.

Для окончательности суждений хорошо было бы иметь ещё приговоры за 1-ю половину 1906 года и 2-ю – 1907-го. Однако и без этого само наличие юридически оформленного конфликта в октябре 1906-го показывает нам, что речь не идёт об устоявшейся системе с чередованием принципов раскладки между двумя половинами года. В 1906 г. происходила борьба за перемену существующего положения (раскладка по работникам), и богатые оказались достаточно сильны, чтобы в начале 1907 г. вернуть преобладание желанного для них принципа. Тогда почему полугодом ранее они оказались для этого недостаточно сильны?

Может быть, у них по каким-то причинам просто не было возможности присутствовать на сходе? Но 9 из 13 подписавшихся³⁰⁰ под протестом³⁰¹ двумя неделями ранее подписали и основной приговор (тот самый, который затем отказались выполнять). Объяснением могла бы служить подделка протокола. Может быть, староста и писарь обсудили вопрос только с бедняками, а фамилии богатых (ни один из которых не был грамотным и не подписывался собственноручно) вписали «для массовки», чтобы достигнуть необходимого по закону кворума в 2/3 имеющих право голоса?

Это предположение тоже неверно. Если бы староста устраивал «заговор против богатых», то он должен был бы рассчитывать на их противодействие, и уж их имена в протокол не вписывать. Притом два из тринадцати «протестантов» (Кузьма Колбас и Яков Колбас) – однофамильцы и наверняка

²⁹⁹ ГАТО. Ф.Ф-200. Оп. 1. Д. 183. Л. 645–649 об.; датируется по сопроводительному письму (л. 644).

³⁰⁰ Для простоты будем использовать этот глагол, хотя все «протестанты» были неграмотными, за них расписались их односельчане, которые, при этом, избегли стандартной формулы «за них неграмотных и за себя расписались» и таким образом отмежевались от личного участия в протесте.

³⁰¹ Борисенко Исаак, Булдаков Маркел, Григорьев Михаил, Козин Петр, Колбас Яков, Корненков Петр, Новиков Роман, Соловцов Данил, Тимошенко Влас.

родственники старосты Тимофея Колбаса, а Яков – даже официальный помощник сельского старосты.

Усложнение модели: тонкости сельской политики

Выбраться из тупика помогают цифры. Оба приговора (и 1906, и 1907 года) снабжены раскладочными перечнями, которые содержат сведения, подкрепляющие обоснованность начислений для каждого из плательщиков. Благодаря этому мы можем проверить, кто из активистов противоборства чем располагает в хозяйственном отношении. Прежде всего, уясним общую картину на тот момент, когда разгорелась борьба.

Таблица. Число скота у плательщиков Ущерпского селения по приговору 22 сентября 1906 г.

число голов скота в хозяйстве:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	11
число таких плательщиков:	4	19	33	23	16	4	3	1	1	1

Довольно явно выделяются самая многочисленная группа (по 3 головы имеет 31 % всех плательщиков) и «второй эшелон»: 2, 4 и 5 голов на плательщика. Очевидно, что обладатели двух и менее голов сами по себе политической роли играть не могут, и способны чего-либо добиться только в союзе с обладателями 3 голов³⁰². Учитывая ту «двуцветную» картину борьбы, которую мы видели выше, выделим две ведущие группы для данного селения. Будем считать для данного селения бедными имеющих от 1 до 3 голов скота, богатыми – 4 и более голов. При этом всё же надо учесть, что обладание 4 или 5 головами скота для жителей Ущерпского – дело обычное; немногочисленные владельцы 6 и более голов выделяются на общем фоне. Поскольку влияние особенно богатых людей может далеко выходить за рамки собственного голоса, обособим их в качестве третьей группы – «сверхбогатые».

Выясняется, что среди 13 борцов за раскладку по годным работникам к первой группе относятся трое: Михаил Григорьев, Роман Новиков (по 2 головы скота), Ермолай (Ермак) Новиков (3). Ко второй – девятеро: Петр Козин, Петр Корненков, Данил Соловцов (по 4), Павел Соловцов, Влас Тимошенко, Александр Молявко, Маркел Булдаков (Балдаков), Яков и Кузьма Колбасы (по 5). Исаак Борисенко с 6 головами скота относится к «сверхбогатым».

Преобладание здесь богатых логично. Удивляют следующие вещи.

³⁰² Надо при этом учитывать, что число плательщиков в сентябре 1906 г. на 15 (а через полгода – и на 29) превосходит число имеющих право голоса на сходе. Сопоставление двух списков показывает, что прирост списка происходит за счёт слабых хозяйств; логично, что именно они и устраняются от голосования. То есть: среди имеющих право голоса доля зажиточных ещё выше, чем показывают приводимые цифры.

1) Наличие трёх «бедняков», из которых только один – с тремя, а другие – с двумя головами скота. Учитывая незначительность этого исключения (лишь 3 из 56 бедняков), его можно объяснить особыми обстоятельствами (родственные связи с богачами, материальная зависимость).

2) «Внутрисемейные баррикады». Они затронули: Григорьевых (Михаил подписал протест, Яков (Аверьян) – только основной приговор), Колбасов (две подписи под протестом, шесть – только под приговором), Молявко (1 против 2), Новиковых (2 против 2). Пожалуй, это можно было бы объяснить тем, что родственные корни не обязательно означают близкие отношения (хотя многочисленность Колбасов в сочетании с их административным преобладанием наводит на мысль, что они выступают как единый клан). Но главное – третье обстоятельство.

3) Почти полное отсутствие «сверхбогатых» в числе протестующих (лишь 1 из 10 «сверхбогачей»). Феодор Скворцов и Даниил Верховзин (по 7 голов скота) не упомянуты ни в одном из приговоров, большинство же (7 из 10 «сверхбогатых») поддержало раскладку по скоту – в том числе и Меркурий Кузнецов с 8 головами скота, и Федор Прохоренко (9), и крупнейший скотовладелец селения Иван Михасенок (Миханок). Здесь уже нельзя отговориться случайностями. Трактовка происходящего как противоборства между богатыми и бедными оказывается под сомнением.

Разрешить противоречие помогают данные о числе годных работников. Они есть только для начала 1907 г., но сохранение числа имеющих право голоса на сходе (90) и умеренное (со 105 до 119) изменение числа плательщиков показывает, что погрешность здесь не должна быть значительна, ею можно пренебречь. Выяснение числа годных работников для протестантов показывает, что большинство из них (8 чел.) располагает лишь одним работником, и ни у кого нет более чем двух работников (таковых трое). Зато «отмолчавшиеся сверхбогачи» имеют кто двух работников (Игнатий Алихвер, Леон Колбас, Феодор Скворцов), кто трёх (Михаил Колбас, Евграф Ковалев,) а кто и больше (Федор Прохоренко – 4,5, Меркурий Кузнецов и Иван Михасенок – по 5), и только у Даниила Верховзина – 1,5 работника. Половины годных работников не должны нас удивлять: это следствие распространённой привычки выделять, помимо полноценных работников, ещё небольшую прослойку «полугодных работников» (молодые, иногда – ещё и старики).

Насколько типичны приведённые выше цифры количества работников? Посмотрим сводные данные по селению.

Таблица. Число годных работников у плательщиков Ущерпского селения по приговору февраля 1907 г.

число работников в хозяйстве:	0	0,5	1	1,5	2	2,5	3	3,5	4,5	5
число таких плательщиков:	2	1	64	8	26	5	9	1	1	2

Как видим, больше половины (64 из 119) плательщиков – это те, кто привык обходиться силами одного мужчины. Таким образом, октябрьские «бунтари» – представители хозяйств типичных по численности. Но сочетание низкой численности работников и значительной численности скота резко противопоставило их раскладочный интерес интересу многих. При той перекройке раскладки, которая произошла в феврале, богатые, имеющие мало работников, выиграли, а бедные с более чем одним работником – проиграли. Например, с Ивана Блин(к)ова (2 работника, 2 скотины) по сентябрьской раскладке причиталось 0,48 % всей суммы (1,82 р.), а по февральской – 0,96 % (6 р.). Зато Яков Колбас, один из получателей наибольшей выгоды, перешёл с 1,29 % на 0,72 % (с 4,55 р. на 4,5 р.).

При этом для многих переход от одной формулы к другой оказался очень важен. Не все бедняки существенно проиграли от перемен. Так, доля Трофима Лукашова с 1 работником и 2 головами скота была 0,48 % (1,82 р.), а стала 0,52 % (3,25 р.). Главный богач (по числу скота) Михасенок по раскладке 2-й половины 1906 г. платил 2,86 % (10,01 р.), а по раскладке 1-й половины 1907 г. – 2,69 % (16,75 р.). Леон Колбас, не ставший со своими 6 скотинами бороться за передел, перешёл с 1,54 % на 1,25 % (с 5,46 р. на 7,75 р.) – надо полагать, что такое понижение налога было для него хотя и приятно, но не критично. «Сверхбогач» Феодор Прохоренко платил 2,32 % (8,19 р.), а стал платить 2,37 % (14,75 р.). При этом более заметно вырос платеж записанного рядом с ним Романа Прохоренко – с 0,48 % до 0,92 % (с 1,82 р. до 5,75 р.); однако по сумме двух родственных хозяйств рост получается не впечатляющим (3,29 % вместо 2,8 %).

Таким образом, в борьбе по поводу раскладок, с одной стороны, чётко проявляется материальный интерес, отражается разделение на более богатых и более бедных. Мы видим, что более богатые настойчиво борются за переложение части платежей на плечи более бедных, и им это удаётся. С другой стороны, прямолинейное противопоставление бедных и богатых не работает: оказывается, что застрельщиками передела выступают не самые богатые участники процесса, а лишь часть зажиточных; что некоторые ещё более богатые при этом теряют (а некоторые бедные – не теряют).

Помимо «объективного» разделения на богатых и бедных, большую роль в исходе противоборства играли дополнительные обстоятельства. Таким обстоятельством могла быть клановость (прежде всего, по семейному признаку), или причастность к официальной власти, хотя бы на сельском уровне; перечень наверняка можно продолжить.

Всё изложенное соответствует представлению об общине как орудии, закрепляющем преобладание зажиточной части. Однако способы этого закрепления оказываются не прямолинейными; победа на сходе требовала и настойчивости, и юридической грамотности, и умения предложить решение, приемлемое для большинства, и наличия доводов в пользу справедливости своих притязаний. Сельский сход был не пешкой в чьих-то руках, но действительно органом самоуправления.